

В саду медленно плыли облака, и легкий, едва ощутимый ветерок приносил с собой тихий шепот.

Пэй До едва заметно кивнул. Поднявшись, он бережно прижал к груди пурпурного лиса и подошел к пруду, расположенному в глубине двора. Легким движением пальцев он заставил Лотос Будды скользить по воде, пока тот не замер у самого берега. Пэй До склонился и осторожно опустил лисенка в самую чашу цветка.

Зверек, размером не больше предплечья, свернулся клубком, и в самом сердце лотоса он казался изящным украшением из чистейшего пурпурного нефрита. Вспомнив недавнюю дерзость лиса, Господин Директор лишь покачал головой с легкой улыбкой.

Неудивительно, что люди заводят питомцев ради забавы — это и впрямь было занимательно.

Маленький лис проявил толику ума, когда не стал уточнять во время сделки, что лишился именно демонического сердца. Не будь он столь хитроват, Пэй До вряд ли нашел бы применение существу, которое едва держится за жизнь и может испустить дух от малейшей одышки. Такую слабую тварь он мог бы раздавить одним пальцем.

«Хитроватый лис, — подумал Директор. — Но хитрости в нем — на доньшке»

Мех зверька был невероятно мягким, к нему хотелось прикоснуться снова и снова. Вспоминая слова лиса о его магии, Пэй До не сдержал усмешки. Искусство очарования у лисьего племени всегда было на высоте, но, глядя на нрав и силы этого недомерка, Господин Директор легко мог представить его фиаско. Не сумев никого соблазнить, тот наверняка лишь философски заметил бы: «Ну и ладно, не вышло — я хотя бы попытался».

При мысли об «Успокоении духа» лицо Директора вновь стало бесстрастным.

За долгие годы он привык к боли. Будь она невыносимой с самого начала, к ней было бы проще приспособиться, но приступы становились всё сильнее и случались всё чаще. Сегодня в императорском кабинете он едва не раздробил край письменного стола; к счастью, кучка идиотов как раз успела совершить очередную глупость, и все решили, что он в ярости от дел государственных.

Пэй До перепробовал множество лекарств, но лучшие лекари признали: его недуг необычен. Земные отвары и иглокалывание больше не имели силы. Он слушал сутры в храме Фаньцзин у мастера Учэня и наставления даоса Хэнцина в храме Саньцин, но те давали лишь мимолетное облегчение, которое вскоре исчезало.

Если великие мастера современности и он сам, обладая редким талантом, не могли справиться

с этой болью, уходящей корнями в самое сердце, то как на это мог надеяться какой-то лис?

И всё же он согласился на сделку именно из-за того, что лис обладал эффектом «Успокоения духа». Не питая иллюзий, Директор всё же не хотел отказываться от надежды — в конце концов, лисье племя всегда славилось тайными техниками, недоступными людям.

Да и просто держать его на руках... от этого и впрямь становилось немного легче.

Пэй До ушел в дом, и из угла двора бесшумно вышла служанка-марионетка. Она прибрала чайные принадлежности и так же тихо покинула сад. Несмотря на то что день был в самом разгаре, во дворе царила мертвая тишина — ни стрекота насекомых, ни пения птиц.

Лин Чжи не открывал глаз, слушая отчет 01 о том, что координаты Пэй До постоянно меняются.

[В его комнате есть тайный ход, ведущий напрямик в императорский дворец]

Лин Чжи не удивился. Многие знали лишь одну сторону жизни Директора, не подозревая о второй. Постоянно входить и выходить через парадные ворота было слишком заметно, так что наличие подземного пути не вызывало удивления.

[Хост! У меня есть отличная новость!]

[Поскольку ты успешно завершил две задачи подряд, мои функции обновились. Теперь я не просто навигатор — ты можешь видеть шкалу эмоций цели!]

В восторженных рассказах 01 Лин Чжи понял, что это за визуализация. Теперь он мог видеть эмоциональный туман, окружающий цель, разделенный по цветам.

Прозрачность означала душевный покой, отсутствие колебаний. Чем негативнее становились мысли, тем сильнее туман серел, превращаясь в черный в моменты крайнего отчаяния. И наоборот — чем позитивнее были чувства, тем ярче сиял туман, а на пике радости он окрашивался в алый.

Хотя система не называла конкретную эмоцию, Лин Чжи это было и не нужно. Зная, счастлив человек или нет, он без труда мог вычислить причину.

«Весьма полезно, — похвалил Лин Чжи. — Ты молодец, малыш»

Это новшество полностью компенсировало бесполезность системы в эпоху без интернета. Лин Чжи стало любопытно, во что еще сможет эволюционировать 01.

Даже Лин Чжи не мог с уверенностью сказать, что видит Пэй До насквозь. Соккрытие чувств было обязательным навыком для людей их круга; порой то, что окружающие принимали за эмоции, было лишь тщательно отрепетированным спектаклем. И хотя Директор не ждал подвоха от лиса, эта функция поможет Лин Чжи безошибочно выбрать момент для удара.

Похвала Хоста привела 01 в неопишуемый восторг. Это было совсем не то же самое, что похвала от человека — когда тебя хвалит очаровательный лис, сердце электронного самоеда не выдерживает такой концентрации милоты.

Слушая радостный смех системы, Лин Чжи как бы невзначай поинтересовался:

«Почему ты говоришь об обновлении только сейчас?»

[Я получил уведомление, только когда мы увидели цель. К тому же ты был занят разговором, и я не хотел мешать твоему выступлению]

Пройдя через два мира под руководством Лин Чжи, 01 твердо решил быть полезным и беспрекословно слушаться своего лидера.

[И еще... этот Пэй До просто ужасен... Обсуждать с таким спокойным лицом, как снять с тебя шкуру — это слишком страшно. Хост, береги себя!]

Даже искусственный интеллект пробирала дрожь. Ужас, исходивший от Директора, не был очевидным — это было то самое липкое чувство, от которого холодеет внутри при долгом раздумье.

Лин Чжи коротко отозвался, обещая быть осторожным. Его тело сковала дремота, и он решил продолжить отдых.

Лотос Будды питал его израненное тело силой. Сон здесь помогал восполнить запасы духовной энергии, и как только он окрепнет, он сможет продолжить закалку демонического ядра.

То, что лотос не отверг его, подтверждало: прежний владелец тела никогда не проливал человеческой крови. Пэй До наверняка учел это, когда решил оставить его при себе. Будь на лисе хоть капля кровавой ауры, Господин Директор, невзирая на любые таланты и миловидность, без колебаний вырвал бы остатки его сердца и пустил тушку на мех.

Пэй До питал глубокое отвращение к демонам-убийцам. И дело было не только в его долге экзорциста, но и в том, что вся его семья погибла от когтей нечисти. Лин Чжи считал удачей уже то, что тот не превратился в безумного фанатика, истребляющего всё сверхъестественное без разбора.

Впрочем, это лишь доказывало, насколько пугающе рассудительным был этот человек. Он

прекрасно понимал, что в ту роковую ночь пожар в его родном поместье не разгорелся бы так быстро без чьей-то помощи изнутри. Его месть всегда была направлена на конкретных виновных, а став экзорцистом (чжэньяоши), он лишь карал или порабощал тех, кто нес зло людям.

Проведя часть жизни в одном теле с призраком, он не спешил уничтожать каждого встречного демона, в чем-то напоминая тех зловещих мастеров, что подчиняют себе темные силы. Лин Чжи был уверен: не стань Пэй До Господином Директором и не начни он изучать каноны пяти стихий, он превратился бы в величайшее зло этого мира.

С мыслями о виденных днем гу-червях Лин Чжи постепенно погрузился в глубокий сон.

Солнце садилось и вставало, и когда Лин Чжи снова открыл глаза, наступил уже день.

[Хост, ты проспал три дня! QAQ]

01 добавил в сообщение грустный смайлик, выражая свое беспокойство.

Лин Чжи чувствовал себя гораздо лучше; та свинцовая тяжесть, мучившая его в пути, окончательно исчезла. Он успокоил встревоженную систему и спросил:

«Приходил ли Пэй До за это время?»

Голос 01 стал еще печальнее:

[Нет. С того дня, как он ушел из комнаты в императорский дворец, он здесь не появлялся]

Система искренне не понимала, как можно удержаться и не тискать такого милого лиса каждый день. Она всеми своими схемами осуждала подобное поведение!

Лин Чжи, напротив, ожидал этого. Пэй До оставил его рядом как забавную игрушку, не представляющую угрозы. А раз игрушка неопасна и не особо важна, о ней легко забыть, когда наваливаются дела. К тому же Директор был очень занят.

Ему приходилось не только лавировать между императорской семьей и различными фракциями, но и держать в руках нити управления всей страной. Достигнув положения всесильного временщика, он не стал жестоким тираном, которому плевать на хаос в государстве ради собственных удовольствий. Он не мог просто казнить талантливых министров ради устрашения, и потому вокруг него всегда хватало тех, кто лишь ждал момента для удара.

Даже став евнухом и главой презираемой клики, Пэй До сохранил в себе благородство клана Пэй из Цзэчуаня. Этот род всегда славился выдающимися чиновниками, и у них были свои

сторонники в совете, но сердца их разрывались от противоречий.

Они поддерживали его, но в то же время желали, чтобы он не забирал себе всю полноту власти. Им хотелось видеть императора грозным правителем, определяющим судьбу страны, а не послушной марионеткой в руках их родича. Они сочувствовали трагедии Пэй До и давно плыли с ним в одной лодке, но не желали, чтобы имя клана Пэй было очернено в истории как партия корыстных интриганов.

Именно из-за их оглядки на репутацию Господину Директору приходилось взвешивать каждый свой шаг. К этому добавлялось бремя Департамента по подавлению демонов: он должен был не только следить, чтобы его самого не прирезали, но и заботиться о том, чтобы нечисть не погрузила мир в хаос.

Лин Чжи подумал, что было бы странно, если бы у такого человека не болела голова. В его жизни почти не осталось места для надежды. С точки зрения «порядка», его смерть после стабилизации дел была бы идеальным финалом: пока он жив, его будут проклинать, используя как повод для нападков на его род. Только полный разрыв с семьей, вплоть до публичной вражды, мог бы спасти их репутацию.

Честь рода в этом мире ценилась превыше всего.

«Нефрит можно разбить, но нельзя изменить его белизну; бамбук можно сжечь, но нельзя уничтожить его коленца»

Лин Чжи ощутил мимолетную жалость. Он снова убедился, насколько удобен облик лиса: зверьку Пэй До мог позволить себе доверять чуть больше. Будь Лин Чжи человеком, приблизиться к Директору было бы во сто крат сложнее.

Поскольку Лин Чжи несколько дней впитывал духовную энергию, золотистые лепестки лотоса поблекли и почти побелели. Лишь на самых кончиках еще теплилось сияние, но цветок больше не излучал мягкого света.

Лин Чжи спрыгнул на землю и встряхнулся; его пышный мех мягко заколыхался. Чувствуя, что раны затянулись, а тело наполнилось легкостью, он принялся бегать по просторному двору, привыкая к движениям лиса.

В этом теле он был стремителен и невесом. Пользуясь тем, что в саду никого нет, Лин Чжи исследовал каждый уголок, изучая местность, пока не наткнулся на застывшую в углу марионетку-служанку. Он замер.

Служанка с бесстрастным лицом вышла из тени и вскоре вернулась с подносом. Она принялась расставлять на каменном столе изящные тарелки с едой и пирожными, а в глубокую нефритовую чашу налила чистой воды. Закончив дела, марионетка снова скрылась в своем углу.

Лин Чжи подумал, что хорошо, что он сам теперь — не совсем человек, иначе от такого соседства его бы точно пробрал озноб.

<http://bllate.org/book/15821/1441209>